

Приглашение на сцену: Пленарная дискуссия «От охлаждения к развитию. Что и когда делать?» На сцену приглашаются: модератор Бабкин Константин Анатольевич, председатель Московского экономического форума, президент Ассоциации «Росспецмаш». Слуцкий Леонид Эдуардович, председатель комитета Государственной Думы по международным делам. Глазьев Сергей Юрьевич, государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси. Нигматуллин Роберт Искандерович, академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии имени Ширшова. Вагин Петр Юрьевич, генеральный директор «Челябинского механического завода». Щербаков Андрей Владимирович, генеральный директор Института социально-экономического прогнозирования имени Менделеева. Налбандян Армен Вемирович, генеральный директор компании «Лилиани».

(00:15:03)

Константин Бабкин: Доброе утро, уважаемые друзья, участники Московского экономического форума. Мы открываем 10-й раз наш Форум. В этот раз это событие происходит в необычной ситуации. В чем необычность этой ситуации? Необычность состоит в том, что перед нами, перед жителями России в первую очередь, лежит огромное пространство. Огромное пространство для деятельности, для созидания, для работы. Нужно засеять поля, нужно разводить животных, нужно восстанавливать фабрики, развивать города, села, строить дороги. Огромное пространство для творчества. Нужно работать, нужно инвестировать.

Но при этом мы видим охлаждение экономики, мы видим то, что заводы переходят на трехдневный режим, мы видим, что крестьяне отказываются зачастую сеять, мы видим снижение цен, мы видим снижение темпов обновления парка машин, ну и такую своего рода апатию, которую мы видим во многих отраслях экономики, во многих сферах человеческой деятельности. Я ощущаю эту странность на практике. Вот коллектив завода компании «Ростсельмаш», который много лет развивался, много лет производил каждый год, каждые два года новые модели комбайнов, новые модели тракторов, прицепных устройств. Мы развивались на фоне того, что развивается и сельское хозяйство. Крестьяне закупили все больше техники.

Мы на этой волне развития построили, запустили три новых завода, готовились дальше развивать успех и участвовать в развитии нашего сельского хозяйства. Но мы видим, что третий год сельское хозяйство попало в кризис, сельхозмашиностроение третий год испытывает торможение, которое измеряется двузначными цифрами, с начала нынешнего года тоже мы видим падение. И вот эти три завода, они сегодня работают примерно на 30% мощности. Это при том, что вся ситуация внешнеполитическая, внутриэкономическая, внутривнутриполитическая толкает нас, как я сказал, уже работать, больше работать и больше созидать.

И наш Форум называется «От охлаждения к развитию. Что и когда делать?». Мы с вами отложили каждые свои дела, насущные, ежедневные, важные, для того, чтобы собраться и помечтать, что делать, как развивать Россию, какую экономическую политику, какую

экономическую модель мы с вами должны здесь построить, как восстанавливать Новороссию, как задействовать сотни тысяч патриотов которые вернутся к созидательной деятельности, уверен, после скорой нашей победы в СВО, как дать простор их энергии в созидательной области. Мы должны обсудить, что делать, и мы должны обсудить, когда начинать эти преобразования, ждать ли завершения СВО, или можно эти преобразования, изменения, работу начинать уже сейчас.

Вы знаете мои предложения, мои взгляды, я их излагал много раз и во многих интервью перед нашим с вами Форумом. Я считаю, что надо менять в целом парадигму экономической политики. Экономическая политика должна быть нацелена не только на борьбу с инфляцией, не на экспорт сырья, не на накопление денег. Она должна строиться не в глобалистской повестке, мы должны в комплексном плане развивать нашу цивилизацию. Это значит, что мы должны открыть дорогу талантам и затеять период новой индустриализации. Нам нужно возрождать многие-многие отрасли, особенно несырьевые отрасли экономики, высокотехнологичные и перерабатывающие отрасли экономики.

Ну, обсудим. Здесь много специалистов. У нас пройдет порядка 20 мероприятий, круглых столов, где мы вот эту ситуацию и рецепты обсудим с разных точек зрения, под разными углами. Не только в экономическом плане. У нас есть люди и культуры, знатоки политики социальной, специалисты в области здравоохранения, специалисты в области внешней политики. Я отдельно хочу поприветствовать наших гостей, прибывших из-за рубежа, а у нас представители примерно 20 стран здесь присутствуют.

(00:20:12)

Я верю, что мир идет от глобалистской, опять же, повестки, и сейчас больше играет, больше перспектив перед нами открывает взгляд на мир как на мозаику цивилизаций. И мы с вами обсудим, как вот эти цивилизации должны, не конфликтуя, не борясь друг с другом, а взаимодействуя друг с другом, взаимно обогащая друг друга в экономическом, в культурном, в эстетическом плане, совместно развиваться и строить наш разноцветный мир, комфортный для всех и справедливо для всех устроенный.

Давайте обменяемся идеями, обменяемся концепциями, получим новый заряд энергии для того, чтобы двигаться вперед. Спасибо за то, что вы здесь. И первым словом для выступления я хочу предоставить академику Сергею Юрьевичу Глазьеву. Это государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси. Пожалуйста.

Сергей Глазьев: Да, спасибо большое, Константин Анатольевич. Я тоже всех участников поздравляю с юбилейным 10-м экономическим форумом московским, который Константин Анатольевич, несмотря ни на что и вопреки всему, продолжает проводить в надежде, что те конструктивные и необходимые для нашего общества и экономики идеи будут реализованы.

Я со своей стороны, поставьте, пожалуйста, презентацию, хотел бы обратить внимание на нынешнее состояние и предложение, которое мы пытаемся сегодня реализовать. Пока хотя бы получить поддержку в Союзном государстве, исходя из реального потенциала роста,

которым мы располагаем. Прогноз неутешительный, вы видите, в российской экономике ситуация даже хуже, чем была спрогнозирована. Мы говорим о том, что у нас есть все возможности для того, чтобы реализовать стратегию опережающего развития с темпом прироста ВВП не менее 5% до 8%. На Санкт-Петербургском экономическом форуме пару недель назад у нас было специальное заседание Экспертного совета Союзного государства по потенциалу роста.

Минимальная оценка потенциала роста – это такое консенсусное, можно сказать, мнение ведущих специалистов, которые занимаются макроэкономическим прогнозированием и понимают, какая у нас мощность в экономике. Минимальная оценка 3% роста для России. Это исходя из того, что ничего не делать, лишь бы не сокращать кредитование. Максимальная оценка 8% и даже выше. Но для этого нужно наращивать инвестиции с темпом от 10% до 16% в год. На сегодняшний день мы видим спад инвестиционной активности, вызванный политикой Центрального банка. Я об этом буду говорить подробнее на специальной сессии, которая после обеда будет по денежно-кредитной политике.

Сейчас я хотел бы обратить внимание на то, какие у нас есть возможности. Центральный банк исходит из того, что у нас нет потенциала роста. Поскольку у нас низкая, как они считают, безработица официальная, то дальнейшее увеличение денежного предложения будет вызывать инфляцию. Это, конечно, абсолютно теоретически примитивная, несостоятельная точка зрения, которая не учитывает другие факторы производства и которая опирается на ложные предпосылки, о которых я также расскажу, подробно анализируя нереалистичные и, прямо скажем, антинаучные предпосылки всей политики таргетирования инфляции, в кавычках, как она ведется, на сессию в два часа, которая будет.

Какие у нас есть реальные возможности? Производственные мощности. Константин Анатольевич сказал, сельхозмашиностроение 30% загрузка на современных передовых мощностях. В среднем мы видим стабильную ситуацию. Загрузка чуть больше 60%. При этом машиностроение, которое обеспечивает инвестиционную активность, оно и того ниже: 30%, 40%, 50%. Возможность поднять темпы роста за счет увеличения загрузки мощностей, прежде всего современных, эффективных мощностей, составляет не менее 2-3% прироста промышленного производства.

(00:25:06)

Говорят, что у нас не хватает капитала потенциально. Вы видите колоссальный отток капитала. Он, между прочим, продолжается, несмотря на СВО. Несмотря на отношения с Западом, которые мы в настоящий момент имеем, воинственную агрессию с их стороны, даже в этой ситуации у нас продолжается отток капитала. Где-то по 50, 80, иногда больше 100 миллиардов долларов каждый год.

Насчет низкой безработицы. Вы видите возможности роботизации. Рост производительности труда в Китае за счет роботизации идет 3-4% каждый год. У нас поменьше, но тем не менее тоже весомые цифры. В Китае, опять же, который лидирует по роботизации, у нас каждый год идет перемещение порядка 20 миллионов человек из рутинных производств в более эффективные за счет роботизации. К сожалению, нашим

денежным властям неведомо такое явление, как рост производительности труда, нужный технический прогресс, все, что обеспечивает экономический рост и одновременно снижение цен, издержек, макроэкономическую стабильность.

Вот в разрезе наша Стратегия опережающего развития, по-моему, в прошлый раз о ней рассказывал, она состоит из пяти направлений. Это форсированный рост нового технологического уклада, это комплекс наноинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных цифровых технологий. Здесь приведены среднемировые темпы роста, на которые могли бы ориентироваться. 35% в год – это средний темп роста для этих производств. Кстати, с 2022 по 2024 год у нас ряд отраслей передовых имели такие же темпы роста, даже выше, от 20% до 60%. Допустим, электронная промышленность, радиоэлектронная промышленность, некоторые отрасли приборостроения росли двузначными темпами до тех пор, пока сегодня Центральный банк все это не заблокировал своей безумной политикой повышения процентных ставок и прекращения всяких инструментов рефинансирования, ориентированных на кредитование.

Второе направление – это динамическое наверстывание в тех сферах, где мы впереди, на переднем фронте научно-технического прогресса, скажем так, авиастроение, атомное машиностроение и так далее. Третье направление – догоняющее развитие, которые у нас продолжаются сегодня уже с опорой на Китай в автомобилестроении. Углубление и переработка сырья, которое может дать гигантский прирост продукции. И стимулирование инновационной активности. Вот в совокупности это такая сложносоставная стратегия опережающего развития дает нам по расчетам 8% роста ВВП в год на базе имеющегося потенциала.

Но Центральный банк нас загнал в порочный круг, когда повышение процентной ставки влечет сжатие кредита, это влечет сокращение инвестиций, вслед за этим начинается технологическое отставание, что влечет потерю конкурентоспособности и девальвацию рубля как компенсацию снижения конкурентоспособности и новую инфляционную волну. Вот в этом порочном кругу мы крутимся уже много лет с периодом три-пять лет. Предлагается перейти к другой политике, где целевое кредитование инвестиций позволит нам наращивать производство передовой продукции, снижать издержки, поднимать эффективность и одновременно обеспечивать и экономический рост и макроэкономическую стабильность. Для этого нужна целевая система кредитования через специальные инструменты рефинансирования под контролем уполномоченных банков с тем, чтобы конечный заемщик получал кредиты не более чем под 2-3%, ну максимум 4%, как это происходит в Китае. И на Западе тоже такие инструменты существуют. Ничего здесь принципиально нового нет.

И хочу сказать, что мы в Союзном государстве ввели новое понятие «товар Союзного государства». Мы предлагаем под товар Союзного государства запустить такую систему целевого кредитования инвестиций в расширение мощностей и их производство. Товар Советского Государства – это товар, более половины стоимости которого создается у нас, вклад каждого государства не менее 25%. Таких товаров очень много, вы их знаете. Это и автомобили, и сельхозтехника, и электронное машиностроение. Сейчас мы делаем пилот

в этом году в четырех отраслях. В следующем году, наверное, эта практика будет распространена. Готовим инструмент, такой пока стандартный, субсидирование процентных ставок под кооперационные проекты, но рассчитываем, что поддержат наши идеи по инвестиционной платформе, которая схематично здесь представлена на базе целевых инструментов рефинансирования центральных банков через существующие институты развития и коммерческие банки, чтобы кредиты доходили до конкретных целей.

(00:30:13)

И на перспективу хотелось бы сформировать такой мощный институт развития через использование, в том числе, тех рентных доходов, которые сегодня остаются за рубежом через утечку капитала. Константин Анатольевич сказал про необходимость наращивания инвестиций. Действительно, это главная задача сегодня и, собственно говоря, драйвером современного экономического развития являются именно совместные инвестиции. Вот видим, что у нас практически институтов, которые бы эти инвестиции предлагали, практически один Евразийский банк развития, мощность которого в 100 раз меньше, чем у конкурентов.

Мы видим возможность через введение экспортных пошлин на вывоз сырья, только сырьевых товаров, изымать ту часть сверхприбыли, которая сегодня остается за рубежом, и направлять их через бюджет развития на стимулирование инноваций. Спасибо за внимание. Я бы хотел, мы сейчас про Россию говорим, но если потом будет время, у меня есть еще одна картинка про мировой экономический кризис, как он сейчас разворачивается.

Константин Бабкин: Да, спасибо, Сергей Юрьевич. Я думаю, останется время для дискуссии, там сможете показать дополнительные слайды. Ну действительно, мы 10-й раз проводим форумы и каждый раз мы говорим о том, что странная ситуация, мы живем в странной ситуации. Мы видим, что есть огромные возможности для развития. Центробанк говорит, что нет, все мощности заняты, задействованы, и никуда больше развиваться нельзя, надо охлаждаться. Удивительно, но это продолжается уже достаточно длительный период времени. Мы говорим, что ваша жесткая денежно-кредитная политика, высокие ключевые ставки, они разгоняют инфляцию, вы печатаете новые деньги на деньги. Они говорят: «Нет, мы будем так и делать». Ну и мы, собственно, видим, что эта инфляция продолжается бесконечно, борьба с инфляцией такими методами продолжается достаточно длительный период, и конца этой борьбы не видно. Ну давайте говорить о вот этих странностях, о предложениях. Идем дальше. Нигматулин Роберт Искандерович, академик РАН, научный руководитель Института океанологии имени Ширшова, один из ведущих наших математиков.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Константин Анатольевич. Вот видите название. Беды. И я искренне считаю, что мы в беде. И вот этому посвящен, первые шаги, что же и в каком направлении нужно делать. Хотя я абсолютно согласен, Константин Анатольевич, Сергей Юрьевич, абсолютно верно. Ну вот беды. Какие же беды? Ну показатели. Ну самые низкие доходы у нас в Европе, подушевые доходы. Ну сколько можно? При советской власти

действительно мы были беднее, но все-таки мы строили страну, мы строили космос, атомную энергетику, мы были впереди, и, конечно, на это жертвовали. А сейчас все потеряли, и по-прежнему самые бедные, даже в самых бедных регионах Китая доходы выше, чем в наших самых бедных регионах. Ну вообще, как к этому можно спокойно относиться?

Депопуляция. Мы вышли на уровень 0,6 млн, каждый год будет сокращаться население, естественная убыль населения. Рост ВВП, ну, взял я с 2014-го на 2015-й, вот 11 лет, полтора процента в год. Потребительские цены, вот вы знаете, насколько выросли? На 77%. Вот по Росстату, это не я придумал, по Росстату, если все это просуммировать, то получается 77%, то есть 7% в год инфляция. И самое удивительное, ни один указ президента с 2012 года по экономике базовым цифрам не выполняется. И Президент почему-то не требует этого, никого не наказывает за это. Все по-прежнему. Но так нельзя.

Для роста экономики необходимы, к сожалению, видите, тут нет анимации, вот загородилась, но инвестиции. Конечно, нужно, без этого невозможно. Но еще нужна их эффективность. Можно ведь выкопать яму, деньги заплатить, а потом платить деньги, чтобы ее закопали. Так вот, как же измерить эффективность? И вот мы с моим братом придумали параметры, как измерить число, как измерить эффективность у всех стран экономики инвестиций в основной капитал. Ну вот видите, ДЛТЦ (00:34:54) — это прирост инвестиций. Каждый год, вот Сергей Юрьевич здесь приводил, в процентах или в рублях можно это посчитать. Соответственно, прирост ВВП, какой у нас есть, в процентах или в рублях, за какой-то период, за год и так далее, это все можно сделать.

(00:35:10)

И вот отношение прироста ВВП к приросту инвестиций, ну в процентах давайте, вот это и есть эффективность. Это КПД. Но есть еще антиэффективность, инфляция. Какой вот на этой инвестиции? Вот копаем яму, потом закапываем ее. Вот какая? А это будет инфляция. Прирост инфляции – вот к приросту инвестиций. Вот два параметра. Видите, вот есть это – КПД. Ну везде в энергетике, везде есть КПД. И К – это диссипация, ну, рассеивание энергии в виде инфляции. Прирост инфляции к приросту ВВП. Вот давайте по разным странам. Ну, отобрали здесь четыре страны. Вот видите, самый маленький прямоугольник — это Россия. Прирост инвестиций самый маленький и прирост ВВП, экономики. И наклон вот этой вот красной линии самый низкий во всех этих странах, самая малая эффективность. Вот в Соединенных Штатах повыше, уже 0,61. Удивительно в Польше. В Польше повыше эффективность. А посмотрите, как развивается Китай. Самый большой прирост инвестиций и самый большой прирост ВВП.

Ну это ладно, это ВВП. А вот теперь давайте посмотрим инфляцию. Вот видите, Китай лежит, инфляция лежит. Самая маленькая, видите, 0,27. Инфляция 0,27 к 1% прироста инвестиций. Польша уже выше, чем Соединенные Штаты. Вот не везде Польша хороша. А смотрите, куда страна. У нас все как в трубу вылетает. Да, надо увеличивать инвестиции, конечно, но все идет в трубу. Это что это значит? Да, и потом мы вот все эти коэффициенты сравнили, там, эффективность денежной массы, рост ВВП, ну, социально-экономическое многоборье,

рейтинги. Мы находимся из 50 отобранных стран на 51-м месте. На 51-м месте Россия великая, вот мы гордимся, у нас души великие и прочее, и прочее. И равнодушно смотрим, уже 30 лет, 30 лет! Причем вот эти эффективности, что предыдущие 15 лет были, что сейчас – одно и то же.

А посмотрите, а число работников промышленности. Вот говорят, что Путин пришел, и у нас вот пошло. Так разрушается машиностроение. 4 миллиона в 1999 году, сейчас 440 тысяч. Почти в 10 раз. Легкая промышленность. В три раза. Зато число курьеров полтора миллиона и охранников. А число ученых на 10 тысяч населения у нас 54, а вот в передовых странах 174. Вот вам эффективность. Можно в эту страну сейчас в таком состоянии, при таком руководстве вкладывать деньги? Да, конечно, не надо. Поэтому я говорю, так управлять экономикой нельзя. И мы должны это донести, эту мысль, до президента, потому что все на нем держится. Не дай бог, пошатнется его авторитет или еще что-то. Нельзя равнодушно это смотреть. Сложившийся порядок опасен.

Ну, Бастрыкин говорит, дальше ехать некуда. У нас же каждый день арестовывают начальников. И уже секвестр. Ведь секвестр почему? Значит, экономика падает. Ну и поэтому кризис будет затяжным, на мой взгляд. Он просто так не вырвется, потому что все надо менять. Необходимо срочно заняться ремонтом, а не завышать процентную ставку. Процентную ставку, это значит, не надо лечить. Вот увеличенная ставка, значит, не надо лечить. Вот держи и терпи эти боли, беды.

Поэтому, конечно, экономический порядок, кадры, нынешние кадры, которые руководят экономикой, в частности, образованием, социальной сферой, они не годятся никуда. Их надо убирать. И это нужно убедить президента в этом. Конечно, рост инвестиций, но эффективность надо поднимать. Это целое дело. Поднимать КПД – это целое дело. Инфляционность снижать – это целое дело. Это другие люди, другие порядки. Конечно, цены на отечественное полусырье, сырье. Ну как этому? Сразу сырье делаешь, полусырье, и с тебя берут налоги. И поэтому топливо, бензин и так далее, у нас в два раза выше по паритету, чем в Америке. Там тоже все есть. А это давит на экономику. Электроэнергетика выше, на 80% дороже. Это давит на всю промышленность, на всю переработку. И нужно налоги брать не вот с этого сырья, на экспорт это да, конечно. А вот то, что оно дешевое, это наше преимущество и должно быть дешевым.

(00:40:02)

Срочно прекратить мучить малые предпринимательства. Это народ сам себе находит работу, потребителя. И не надо его мучить налогами. Вот это тоже уровень правительства. Взяли и сейчас говорят, треть малого и среднего предпринимателя сократилась. Оно должно составлять более 50-60%, как во всех странах мира. Дайте народу свободу. Он сам приспособится, будет делать. У нас есть умные люди. Но все давит чиновничество.

Ну и, конечно, налоговая система. С кого налоги брать? Налоги надо не с производства брать, налоги надо брать с больших доходов. Вот доля НДФЛ во всех странах, посмотрите, 30%, а у нас 15%. А не надо брать с нефти, с производства и с этого, чтобы не убивать внутренние цены. Ну и, конечно, конкурсы. Сейчас надо прекратить дорогостоящие

стройки. Они нас разоряют. Сейчас не до этого. Мы идем к беде. К двузначному падению экономики. Хорошо. Я выдержу, мы выдержим 10% сокращение своего потребления. Но ведь грозитя и больше. И все стратегические... Восстановить опорные институты. Все решения должны... Завершаю. И скажу, мы опаздываем. Коллеги, мы опаздываем, а мир не ждет. Время не ждет.

Константин Бабкин: Спасибо, Роберт Искандерович. Ну, несмотря на слова в начале «беда» и «опаздываем», я вижу оптимизм большой в вашем выступлении. Вы видите огромный потенциал и огромную дорогу перед нами, огромное поле деятельности, где можно добиться, ну, проявить себя и много чего добиться для каждого. Так, идем дальше. Петр Юрьевич Вагин, генеральный директор компании «Челябинский механический завод». Петр Юрьевич, мы с вами были осенью этой у вас на заводе. Вы показывали прекрасный цех, только что построенный, запущенный, но стоящий. Расскажите о ситуации, о вашем видении всего.

Петр Вагин: Я из доклада Сергея Юрьевича «Догоняющее развитие», третий пункт, кто помнит. Поэтому я о простом, о приземленном. Уже сказали, что на сегодняшний день мы тоже уложили порядка полтора миллиарда рублей за три года. Оборудовали новое производство, но в итоге мы его должны были закрыть, потому что у нас просто на сегодняшний день нет спроса на готовый продукт. То есть я являюсь конечником. Я делаю последний продукт. Я делаю грузоподъемную технику.

И я бы свой доклад составил из четырех вещей. Это утилизация, как история, понятие, так называемое 719-е Постановление и так называемый утильсбор. В свое время, вообще с 2010 года началось, была такая идея, достаточно состоявшаяся, эффективная, когда предлагалось сдать свою старую машину и в итоге там получить какое-то снижение цены и получить новую машину. И она была такая, началась с легковых автомобилей, и затем она перешла даже в разряд спецтехники. Мы тоже этим занимались серьезно, и я вам хочу сказать, мы действительно очень много с нашего региона вычистили вот этих гробов, которые стояли там под заборами и где-то там. То есть мы их действительно утилизировали, и в итоге привели в порядок достаточно много старых «Москвичей» там, еще что-то такое, без колес стоящее.

Ну и теперь начнем про понятия. Значит, сейчас есть новое слово «утилизация». Оно звучит следующим образом. Когда спецтехника или техника заходит на территорию Российской Федерации, в силу различных причин импортерам говорят: «Вы должны заплатить за то, что потом вашу технику начнут утилизировать». Соответственно, в связи с тем, что у нас равные же условия рыночные, поэтому нас тоже заставили утилизировать технику. Мы тоже платим утилизационный сбор. Но парадоксальность в чем? Я посмотрел последнюю статистику. С 1 января 2026 года автомобиль «КАМАЗ 43118» стоит 7,5 млн. Утилизационный сбор на этот автомобиль «КАМАЗ» стоит 5770. То есть он стоит 7.7% от нового автомобиля. Но мне кажется, мы немножко не о том говорим. То есть это нельзя называть утильсбором. Это уже какая-то, условно, заградительная мера, которую, давайте честно говорить, мы тем самым условно прикрываем себя от достаточно эффективного поставщика техники. Это Китай.

(00:45:26)

Ну, в свое время еще Европа нам давала. И вот начинается такая ситуация. Но идея утильсбор, наверное, хороша, как таковая, если она правда действительно по понятиям. Это утильсбор для того, чтобы затем весь цикл эксплуатации автомобиля, чтобы сделать экологию чище и нашу планету чище. Но только я не очень понимаю про цифры. Я про цифры сегодня. И было введено так называемое 719-е Постановление, в котором разбивали всех производителей на российский производитель и нероссийский производитель. Мне повезло, будучи в Челябинске я попал в понимание российского производителя. И тут с каждым годом начинается следующее. Я каждые два-три года должен подтверждать, что я российский производитель.

Я не очень понимаю, но дело в том, что все больше и больше для меня происходит каких-то барьерно-бюрократических моментов, которые... Они говорят, что «а теперь вы, производители конечного продукта, должны еще отвечать за компоненты, которые вы применяете». То есть вы должны выбрать только российского производителя компонентов и только его ставить себе. Причем вы должны доказать, что он действительно производит по определенной методике. Это очень сложно, потому что, ну, дело в том, что нельзя управлять тем, на что не влияешь. И в итоге все идет к такому коллапсу. Последний раз мы встречались как раз на предмет того, что ввели постановление, в котором мы должны еще подшипники покупать российские все.

Я вам просто пример хочу привести. Я проверил. Одна из компаний попала в перечень российских производителей, и я сравнил подшипник свой 84 (00:47:38), который я покупаю в Малайзии за 28 рублей. А вот, например, ИПК «Самара» мне предлагает такой подшипник за 937. То есть за их подшипник я могу 33,5 подшипника купить в Малайзии. Давайте не забывать, что антидемпинговая пошлина по подшипникам составляет 41,5% и таможенная пошлина 10%. То есть я понимаю, что до границы подшипник в Малайзии доехал за 14 рублей всего лишь. А мне говорят: «Ты его только можешь применять». По мне, во всем мире развита кооперация. То есть не надо уподобляться вот этому китайскому опыту, когда там Мао Цзэдун объявил, что в каждом селе необходимо сделать маленькую земляную печь и лить там сталь. В 1962 году он свернул эту идею. Но мы идем туда же. Я как производитель должен делать и подшипники, и цилиндры, не знаю, что еще там придумают за последнее время.

Поэтому на сегодняшний день, Дмитриев хорошо сказал недавно, что «ребята, мы где-то так в варианте ковида, серьезного ковида». И тогда, когда начинался ковид, достаточно эффективно были приняты различные мероприятия, вплоть до заморозок каких-то программ, которые нам сейчас вообще не выжить. То есть падение моего производства за два года составило где-то порядка 60%. Ну, естественно, чтобы понимать, падение связано со сбытом, потому что я не могу себе позволить, у меня начинается финансовый разрыв, я не могу делать на склад и не продавать. Я сокращаю людей, я очень заморозил часть инвестиционных проектов или просто пока закрыл темы, которые я не могу сейчас тащить.

И поэтому у меня тоже не очень хорошее настроение, поэтому я бы вообще предложил каким-то образом все-таки, ну мы, кстати, с Константином Анатольевичем занимаемся этим. Мы сейчас написали письма и Мантурову, и Мишустину на предмет того, что надо просто пересмотреть подход. Потому что на сегодняшний день вот этот вот подход, сама идея локализации, которая, в принципе, интересна, она теряет экономический смысл в сегодняшней ситуации.

(00:50:16)

Вот я бы, конечно, просил бы, чтобы мы каким-то образом зафиксировали вот эти вот вещи, которые мы с вами проговаривали. Спасибо большое.

Константин Бабкин: Спасибо, Петр Юрьевич. Еще одна иллюстрация того, что не всегда мы понимаем и видим согласованную комплексную политику в области локализации, развития промышленности и так далее. К нам присоединился Леонид Эдуардович Луцкий, лидер одной из ведущих наших партий, либерально-демократической партии России, председатель комитета Государственной думы по международным делам. Леонид Эдуардович, пожалуйста.

Леонид Слуцкий: Прошу вас. Дорогие коллеги, несколько минут послушать, я буду выступать кратко. Очень рад быть на пленарном заседании, на открытии, по сути, Московского экономического форума, который с каждым годом набирает обороты. Счастлив видеть Сергея Юрьевича Глазьева. Действительно, сейчас послушал коллегу, вспомнил тезис Мао Цзэдуна: «Догнать и обогнать Великобританию по производству стали. Около каждого дома плавильная печь». Карикатурная ситуация. Ну а сейчас Китай, по сути, первая экономика мира. И то, что там происходит... Недавно были в провинции Цзилинь. Я почетный доктор Цзилиньского университета, 23-го по рейтингу среди университетов Китая. Были с Вячеславом Викторовичем Володиным, Председателем Государственной Думы, на автосборочном производстве в Чанчуне, и машина собирается за 54 секунды. Можно говорить и о летающих такси в Женьшене, и о многих других вещах, все это частности.

Но этот невероятный китайский прорыв – это, конечно, небо и земля сказать, и то будет мало по сравнению с той ситуацией в начале 60-х. Московский экономический форум, конечно, пока еще не достаёт по размерности до Петербургского международного экономического форума, но он значительно и моложе, и потом, несколько разная аудитория. Здесь в основном собрались профессионалы, эксперты с большой буквы и без кавычек. Здесь собрались те, кто занимаются реальной экономикой, в том числе и реальным производством, как наш уважаемый коллега. И я специально, зная, что буду выступать в аудитории профессиональной, выписал для себя некоторую цифирь, которую озвучу в числе моих достаточно сжатых тезисов. Я поддерживаю Константина Анатольевича, который возглавляет экономический совет партии ЛДПР, и, возможно, украсит собой новый созыв Государственной Думы, не будем говорить за избирателей.

Вместе с тем хочу поблагодарить Константина Анатольевича за его и близких ему коллег труды по поддержке такого важнейшего формата, как Московский экономический форум

из года в год. Важнейший наш тезис как партии, да и не только партии, а всех наших единомышленников – необходимость в непростых сегодняшних условиях новой индустриализации и масштабной, значительной поддержки защиты производственного бизнеса. Во многом уверен, что заседания и секции Московского экономического форума в нынешнем году будут посвящены именно этому.

Сегодня почти половина всего импорта в России – это оборудование и техника, даже по отраслям, которые позволяют нам, по сути, жить, более или менее достойным образом, мы зависим от западных машин, от комплектующих и технологий. Две трети буровых у нас, бурового оборудования и практически весь парк, много ковшовых экскаваторов на буроугольных разрезах заграничного производства, практически все погрузчики на угольных разрезах, извините, что начал с угля, но это очень индикативно, также не наши. Отечественная техника для пищевой, для перерабатывающей промышленности на внутреннем рынке России, если холодильное оборудование в расчет не брать, в 2025 году составила всего 33%.

(00:55:00)

Но при этом, дорогие коллеги, износ оборудования, оборудования в производстве пищевых продуктов превысил 60%. Недавно был в Перми на робототехническом производстве. У нас есть очень интересные проекты, которые уже реализованы. Есть команды, технологии, результат, причем не какой-то малый, в Перми. Уже целая мозаика, пазл складывается. Нужно только поддерживать масштаб. Вопрос. Почему же эти заводы не обладают пока еще должной масштабной инфраструктурой, партнерскими предприятиями внутри страны, не вырастают в наши собственные российские интеллектуальные и промышленные долины? Хотя к тому уже давно тенденция наметилась и в Магнитогорске, и много где по стране. Почему масштабирование здесь, хотя его необходимость очевидна, не работает?

Да потому, что мы не создали условия. Ушел европейский в первую очередь капитал, пришел, пока, может быть, не в должном масштабе, как нам бы с вами того хотелось, капитал из других стран, а импортозамещение в важнейших областях промышленности пока, давайте говорить как есть, лежит на боку. Необходима масштабная поддержка инновационного бизнеса не только прямым финансированием, хотя это архиважно, но и нефинансовыми мерами, о чем, я думаю, будут говорить сегодня коллеги, выступая здесь на площадках форума, разумным, грамотным, системно построенным протекционизмом, защищая наш рынок от некачественной и дешевой продукции извне. Нужна максимальная, но продуманная локализация иностранных производств. Важно снижать стоимость услуг и товаров естественных монополий. Неразумно продавать эти ресурсы нашим предпринимателям по той же цене или ненамного дешевле, чем мы их сами продаем за границу, иначе в чем бизнес?

Налоговые и инвестиционные льготы для тех, кто сейчас вкладывает средства в инновационные разработки, в новое оборудование, автоматизацию, роботизацию. Не мигранты, а роботы должны работать в современных производствах. Более тысячи

промышленных роботов на 10 тысяч занятых, как в Республике Корея. Вот к чему нам надо стремиться. Это только один срез, если угодно. А не замещать, еще раз повторюсь, коллеги, нехватку кадров неквалифицированными и зачастую нелегальными мигрантами. Это уже разговор из другой оперы. И их огромными семьями, которым в ближайшее время мы на законодательном уровне запретим приезжать в Россию. Это создает нагрузку на нашу социальную инфраструктуру, не говоря уже о других преступных откровенно перекосах в нашей жизни, о чем партия получает, я думаю, и другие партии тысячи и тысячи сигналов с мест. Поддерживать автоматизацию, поддерживать роботизацию качественно сильнее, на порядок и более, чем это делается сегодня.

Отдельное внимание уделил бы защите интересов малого и среднего бизнеса, об этом очень много говорим и столь же мало делаем. В малом и среднем предпринимательстве задействовано более 17 миллионов человек. И что бы мы предложили, как раз мы с Константином Анатольевичем советовались, как с главой нашего Экономического совета. Во-первых, необходимо закрепить, и я просил бы, коллеги, здесь нас поддержать, что изменения в любых нормативных актах о налогах и сборах, федеральные и региональные документы имею в виду, те, которые ухудшают положение предпринимателей, должны вступать в силу не ранее, чем по истечении одного года со дня их официального опубликования. Лучше бы, понятно, их вообще не было, но где уж без них не обойтись, по ряду причин, и это будет обоснованная позиция Правительства, не раньше, чем по истечении одного года, со дня опубликования, вступления в силу.

Малые и средние предприятия должны иметь подготовленные, осмысленные механизмы защиты от предстоящих неблагоприятных изменений, а также возможность к ним подготовиться на практике. Во-вторых, дорогие коллеги, нужно разделить, дифференцировать подходы в налоговой политике в зависимости от отрасли, от жизненной ситуации того или иного предприятия, некоторые из которых в крайне тяжелом положении, несмотря на то, что они инфраструктурно значимые в своих отраслях.

(01:00:04)

Бьет по ним денежно-кредитная политика, тут никуда не денешься. Давайте посмотрим, как с уходом западных брендов новый импульс развития получили швейные, пищевые, косметические предприятия, а также направление бизнеса по оказанию услуг населению. Для примера, с 2022 года, это один из сотен примеров, рязанский производитель детских деревянных игрушек «С-МАЛА» увеличил продажи почти на четверть. Новосибирский бренд детской одежды «Чудо кроха» более чем на 60%. Я из области детства подобрал примеры. Для государства выгоднее получить больше налогов от дальнейшего роста масштабов бизнеса, нежели ситуативно от повышения налоговых ставок, которые этот рост остановят.

Третье. Необходим мораторий на штрафы со стороны Федеральной налоговой службы. В случае, если предприятия, которые впервые стали плательщиками нашего любимого НДС, непреднамеренно – такое бывает сплошь и рядом – совершают некоторые ошибки в

отчетности, в сроках предоставления. В ближайшее время эту инициативу внесем в Государственную Думу и примем на законодательном уровне.

Скажу в заключение. Действительно, мы с Константином Анатольевичем, с единомышленниками, и прошу к нам присоединяться, создали некий мозговой трест по выработке законодательных предложений, которые, не дожидаясь окончания СВО, других периодов непростых, которые мы сегодня переживаем, по сути, это главный момент истины за всю постсоветскую историю. Нужно понимать, Но мы должны быть к этому готовы. Мы должны осмыслить всю систему проблем, которые сегодня объективно стоят перед бизнесом разного уровня. Мы должны выработать систему реагирования на те или иные проблемные факторы и распространить это на все отрасли, на все регионы, чтобы мы действительно имели некоторое ядро защиты которым сегодня, может быть, считается, но не является РСПП при моем уважении к его членам правления, там много моих друзей.

И, коллеги, сегодняшняя ситуация требует нового осмысления, новой механики реагирования на те проблемы, с которыми зачастую наши, инфраструктурно значимые в том числе предприятия, остаются один на один. Вот именно этой проблематике, уверен, будут посвящены заседания и секции нашего Форума. Мы со своей стороны к самому форсированному взаимодействию в этой сфере по этим проблемам готовы. И просил бы рассчитывать на наш Экономический совет, тем более Константин Анатольевич в одном лице и один из отцов-основателей Московского экономического форума. Дорогие коллеги, позвольте в заключение пожелать Московскому экономическому форуму нынешнего года успешной, благотворной и эффективной работы. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Леонид Эдуардович, за высказанную такую целостную, мощную концепцию. Уверен, что она многим запала в душу, и уверен, что в деятельности Экономического совета ЛДПР и всей партии наработки, которые сделаны и будут делаться в ходе работы 10-го Московского экономического форума, будут учитываться и пригодятся в работе ЛДПР в дальнейшем. Идем дальше. Щербаков Андрей Владимирович, директор Института социально-экономического прогнозирования имени Менделеева, пожалуйста.

Андрей Щербаков: Спасибо, Константин Анатольевич. Наша дискуссия называется «От охлаждения к развитию. Что и когда делать?» Я хотел бы поговорить о том, что делать, потому что сегодня нам уже много рассказали, как все плохо. Ну, давайте поговорим о том, что же все-таки надо делать. Ну, во-первых, я хотел начать с того, что привел три цитаты Адама Смита. И центральная цитата, она очень сегодня нам созвучна: «Никакую войну, связанную с большими расходами, нельзя вести за счет вывоза сырьевых продуктов». То есть мы уже воюем пятый год и все разговариваем о том, как бы нам побольше вывезти сырья из страны. А еще в XVIII веке люди понимали, что на одном вывозе сырья экономику не построишь и уж тем более войну не выиграешь.

Мы сегодня хотели бы поговорить, прежде всего, о том, что все-таки наше государство должно как-то обозначить свое целеполагание.

(01:05:08)

Мы, к сожалению, не говорим о главном. То есть, собственно, какая цель? Вот мы постарались сформулировать цели нашего государства, и самая главная цель — это сохранение и преумножение носителей государствообразующего культурного кода. И вторая цель, она вторая по значимости — это создание условий для духовно-нравственного развития всего общества и каждого человека. Без нравственности, без нравственной экономики, без нравственной политики, без нравственного общества мы не сможем двигаться дальше, потому что без этого общество в конце концов деградирует и превращается в то, что мы сегодня видим вокруг.

У нас с вами есть некоторые заблуждения, которые я хотел развеять. Первое. Всегда почему-то нам внушали, что вот профицит бюджета — это хорошо. На наш взгляд, профицит бюджета — это преступление против экономики, потому что мы, получается, деньги собрали, а в экономику их не вернули. Соответственно, дефицит бюджета — это наоборот. Мы профинансировали экономику, то есть влили в нее дополнительные средства. То есть, соответственно, небольшой дефицит бюджета, конечно, не в размере 100%, но небольшой дефицит бюджета это всегда плюс.

Следующий вопрос, который тоже поднимается всегда, это избыточный экспорт. Фактически мы сегодня, вот то, что Сергей Юрьевич показывал, мы ежегодно вывозим из страны на несколько сотен миллиардов долларов избыточного экспорта. Что это означает? Это означает, что мы фактически дарим миру свое сырье, которое фактически добываем здесь, при этом при всем, это мы на секции, которая будет у нас после обеда, будем говорить, при этом мы еще и экспортируем инфляцию таким образом. То есть у нас получается двойная проблема, то есть, с одной стороны, мы бесплатно раздаем свое сырье, с другой стороны, импортируем инфляцию.

Теперь немного слов о Центробанке. В мире существует три варианта взаимоотношений между Центробанком и государством. Первый вариант — Китай. Центральный банк Китая напрямую подчиняется Госсовету КНР. Соответственно, Центробанк Китая делает безвозмездную миссию, и фактически то, что там оформляется в виде долга, на самом деле долгом не является, потому что это долг левого кармана правому. Китай при желании может свой государственный долг обнулить буквально, так сказать, просто решением Госсовета.

Значит, второй вариант — это когда ФРС, то есть частная структура, финансирует, соответственно, государство. Ну тут понятно, что эти долги, они реальные. Ну а у нас, соответственно, согласно законодательству, Центробанку вообще запрещено финансировать правительство, если это не предусмотрено бюджетом. Вот у нас три варианта. Наш самый худший, по большому счету.

Какие у нас еще есть варианты, инструменты, вернее, взаимоотношений с Центробанком и экономикой? Ну, первое, конечно, это, естественно, вопрос, сколько денег. В свое время, икона монетаризма Милтон Фридман говорил, что «если количество денег в стране меньше половины ВВП, то это страна самоубийца». Вот мы с вами до 2022 года были страной самоубийцей. И у нас с 90-х годов до 2022 года процент монетизации был меньше

50%. Вот сейчас он 58%. В среднем по миру 120%. Ну то есть тут даже цифры понятны, говорить даже не надо. У нас катастрофически недемонетизированная экономика. Нам просто не хватает денег для того, чтобы работать.

Следующий вопрос — ссудный процент. Ну, с ссудным процентом тут уже все говорили. Я просто хочу сказать, что это один из самых серьезных инструментов, который просто убивает экономику. Даже тот же самый Адам Смит говорил, что «ссудный процент, превышающий 10% годовых, это ростовщичество». Вот мы с вами фактически живем в ростовщическом государстве. Сегодня при 15% реальным предприятиям достаются деньги от 20% до 30%, в зависимости от отрасли. Я не беру, конечно, там отдельные случаи финансирования этих процентов, а в среднем, вот если ты придешь в банк, то проценты такие. Но производитель меня, я думаю, поддержит здесь. Так вот, у нас средняя рентабельность по промышленности была 10-12%, сегодня она опустилась уже до 5-6%. За прошлый год мы посчитали, у нас средняя рентабельность по промышленности 5-6%. То есть, как можно при такой рентабельности брать даже под 20% годовых кредиты? Ну и, соответственно, вот эти валютные скачки.

(01:10:01)

Центробанк фактически, когда осуществляет вот эти свои прыжки по то ослаблению, то укреплению рубля, фактически провоцирует инфляцию. Потому что у нас с вами традиционная ситуация такая: если рубль ослабляется, цены растут. Если он укрепляется, цены все равно растут. Поэтому любые скачки валютного курса, они всегда приводят к инфляции. Соответственно, у нас задача с вами следующая. Нужно сделать так, чтобы курс был зафиксирован, тогда мы могли бы, по крайней мере хотя бы на какой-то период, планировать свои все какие-то инвестиции и прочие вещи. Это из хорошего.

Это я привел скриншот с сайта МВФ, который буквально 27 марта опубликовали статью, которая называется «Институты промышленной политики. Основы экономического развития». Это МВФ, это не Глазьев, не Щербаков, не Бабкин. Пишут, смотрите: «Для достижения экономического роста необходимо создание агентства по управлению экономической политикой». То есть фактически МВФ призывает к созданию госплана. Работа данной структуры, по их мнению, даже важнее, чем работа ЦБ. То есть вопрос к Набиуллиной тогда, собственно, чем мы занимаемся? Инструменты какие они предлагают? Субсидии, кредиты, госзакупки, госрегулирование, создание инфраструктуры, финансирование НИОКР и так далее. И в качестве примеров привозят вот эти страны, которые действительно сегодня опережающими темпами росли и растут, это Япония, Корея, Китай и так далее. Фактически нас МВФ призывает к созданию государственного планирования.

Ну и буквально несколько слов по поводу того, что же все-таки делать. Первое, конечно же, это надо национализировать Госбанк. То есть ЦБ не должен быть вне политики и вне государства. Планирование. Надо возвращать госплан. Вот если даже МВФ уже дошел, ну уж тем более нам-то, которые с этим много лет жили, уж нам тем более это сам Бог велел. Дальше. Необходимо обеспечивать стабильность курса национальной валюты. При

избыточном экспорте это вообще ничего не стоит для Центробанка. Низкопроцентные кредиты. Ключевая ставка не должна быть выше 3%. А для инвестиционных программ она вообще должна быть 1-2% не выше.

Экспортно-импортный баланс. Конечно же, такой избыточный экспорт нам не нужен. Пусть он будет небольшим, но все-таки он должен быть разумным. По крайней мере, хотя бы несколько десятков миллиардов долларов. Ну и то, о чем сегодня уже говорили, это по поводу налогообложения. Нам надо перестать облагать налогом труд. Нам давно пора начинать облагать налогом потребление. Вот это самое основное. Кстати, заметьте, у нас одна из стран, которая не имеет НДС, которая всем навязала НДС, но сама НДС не имеет — это США. У них нет НДС. Потому что НДС — это налог, убивающий добавленную стоимость. Вот они у себя не убивают добавленную стоимость. Спасибо большое.

Константин Бабкин: Спасибо, Андрей Владимирович. Действительно, все логично. Большое расхождение с тем, что мы видим на практике. Армен Вемирович Налбандян, генеральный директор компании «Лилиани». Прекрасный завод. Я с удовольствием и даже с некоторым, признаюсь, беспокойством наблюдал. Это завод, производящий машины для сельского хозяйства в Ростове-на-Дону, постоянно выпускал новые модели, прекрасные, востребованные, продающиеся по всей стране, начал строить завод в Воронеже, построил огромный завод в Ростове-на-Дону, новые цеха. Как вы смотрите на ситуацию, пожалуйста, Армен Вемирович?

Армен Налбандян: Коллеги, добрый день. Тут уже достаточно много было сказано насчет ключевой ставки, инфляции, насчет влияния на экономику. Я как производитель сельхозтехники, находясь вот в этом сегменте экономики, хочу особо обратить внимание на то, насколько влияет сельхозмашиностроение на страну через прямое влияние на экономику аграрного сектора. Сельхозмашиностроение – это не обеспечивающая отрасль, это промышленный фундамент АПК. Благодаря технологизации и благодаря техническому оснащению мы можем получать урожай или не получать, можем получать кормовую базу достойную или наоборот не иметь таковой.

(01:15:12)

Экспортный потенциал, который является сейчас достоянием последних десятилетий развития, он может быть разрушен в одночасье. С 2022 года по 2025 год падение спроса на сельхозтехнику составило порядка двух раз. Что значит два раза? В стране, которая испытывает колоссальный дефицит сельхозтехники. Это означает, что мы отброшены назад на годы. Это означает, догонять будет сложновато. И на сегодняшний день сельхозмашиностроение испытывает огромные сложности. Если не решить проблему, то речь можно вести о том, что мы теряем как производственный каркас, так и аграрный каркас страны. Потому что восстановить будет сложно.

Вспомним 90-е годы, когда была разрушена промышленность Советского Союза. Какие были потрясения! Мы до сих пор не можем оправиться. Мы потеряли станкостроение. Мы потеряли микроэлектронику. И никак его не восстановим. В современном высокотехнологическом мире никакие субсидии и кредиты не спасут экономику, если не

будет эффективности. Почему агросфера на сегодняшний день буксует? Потому что там нет эффективности. Я хочу показать, как эффективность может создаваться там, где ее сейчас нет. Посмотрите на процессы. Процесс уборки. Во время уборки мы теряем сроки. Презентация не идет, поэтому давайте восприниматься, наверное, так. Или, если могут организаторы запускать, то это будет совсем неплохо.

Во время уборки мы теряем сроки. Во время потери сроков теряем урожай. Средняя потеря по стороне порядка 10-15% урожая. То же самое происходит на посевной. Посевной процесс у нас растягивается, теряются оптимальные агросроки. Глубина посадки уходит в нижние слои. Это приводит к тому, что мы теряем урожайность. Урожайность даже по самым консервативным оценкам мы теряем порядка 15% в год. Во время внесения удобрения система минерального питания приводит к тому, что мы, опять-таки, недобираем продукции 15-20%, кое-где еще и выше. Мы теряем во время хранения зерна. Средняя потеря агрохозяйств на хранение из-за неэффективности составляет порядка 2,5 тысяч рублей на одну тонну. При цене зерна 12 тысяч рублей 2,5 тысячи – это колоссальная разница.

Аграрии также теряют на трейдинге, то есть на посредничестве при продаже зерна. Средняя потеря – порядка тысячи рублей. То есть откуда браться экономике, если его нет там? Эффект от внедрения технологий только в части хранения зерна, технологии гибкого склада, технологии хранения в специальных пластиковых рукавах позволяет получать уже сегодня на 15-17 миллионах тоннах получать 30-35 миллиардов рублей экономии в год по стране. Потенциал, для понимания, это где-то порядка 80 миллионов тонн, которые сейчас можно было бы перевести и приумножить вот этот эффект.

Я, насколько помню, сельское хозяйство с субсидиями вместе получает доход порядка 300 миллиардов рублей. То есть 100 миллиардов уже здесь закопано. Разрыв эффективности в России по сравнению с аграрно-развитыми странами составляет более двух раз, 3 тонны средняя урожайность российских полей. При этом мы сопоставляем с Европой, где аналогичные условия. Средняя урожайность по Европе 7 тонн. При этом во Франции, Германии, Великобритании собирает урожайность до 8-8,5 тонн. В Китае 6 тонн. Базовая модель сейчас не позволяет получать ту экономику, которую нужно было бы получать. Технологии, которые могут перевести в состояние технологизации, они стоят намного дешевле, но они дают совершенно другой эффект.

(01:20:01)

Можно потратить в два с половиной раза меньше инвестиций, но получать эффективность, сопоставимую с большим значением вот этих самых инвестиций. Мы в состоянии увеличить выручку, на настоящий момент существующую выручку по аграрной сфере, более двух раз. И, снижая себестоимость и увеличивая выручку, мы можем увеличить десятикратно прибыль. Вот здесь находится та проблема, которая не дает возможности аграриям приходить к заводам и покупать технику. У них просто денег нет. И никакие субсидии, никакие процентные ставки не ложатся в один уровень с тем, что называется вывести экономику на другую ступень.

Россия сегодня производит порядка 170 миллионов совокупно продукции растениеводства. Это вроде и много, если, конечно, не сопоставлять с потенциалом, который есть на тех же землях. Если урожайность примерно подтянуть до урожайности в среднем по Европе или по Китаю, мы должны получать еще плюсом 200-250 миллионов тонн. Это будет совершенно другая экономика. Здесь у нас системная проблема.

Системная проблема, которая базируется на макроэкономических проблемах. Заводы не перестали работать правильно. Они не перестали быть востребованными. Они просто потеряли ликвидность. Вот коллега выступал в начале панели. Константин Анатольевич говорил насчет того, как мы потеряли спросе. У меня завод потерял спрос в первом квартале прошлого года более 80%. Это огромное падение. По году мы получили минус 60%. При этом с 2022 года, идя на волне призывов вложиться в экономику, мы сделали инвестиции более миллиарда в свой небольшой завод. Мы запустили проект производства специальных пластиковых рукавов в России, потратив тоже порядка 400 миллионов. И проект сегодня в замороженном состоянии, потому что мы сами находимся в замороженном состоянии. Если сегодня речь не вести о том, что нужно в кратчайшие сроки делать практические шаги по спасению предприятий, по спасению инфраструктуры, которая после разрушения ни к чему не приведет, то, скорее всего, мы потеряем. Мы потеряем промышленность и отброшены будем назад.

В Госдуму внесли закон, на прошлой неделе информация была в прессе, о том, что будут обсуждать и принимать новое положение антибанкротного законодательства. Этому можно аплодировать, давно назрело, потому что в России нет Институтов спасения, нет Институтов защитного шита, которые существуют в развитых странах. У нас, если предприятие заболело, то сразу в морг. Но Институт банкротства – это не институт спасения. У нас каждое предприятие само должно выкручиваться, как может. И как ястребы смотрят на предприятие, которое оказалось в ситуации крайне тяжелой. Как можно быть успешным, когда у тебя отнимают сразу все возможности. Когда руки и ноги связаны, у тебя нет возможности дышать, ты не можешь предприятие поднять с колен. У нас нет такой системы, которая является системой поддержки предприятия. Нужно принимать в срочном порядке антикризисные меры для того, чтобы не угробить то, что было создано за последние несколько десятков лет.

Нужны моратории на банкротство жизнеспособных промышленных предприятий. Гражданский сегмент экономики очень сильно просел. Мы находимся или на коленях, или находимся на спине уже. И остается только последний выстрел запускать, для того чтобы была точка. Или провести срочные меры, как во время антиковидных мер, которые в 2021 году были приняты, для спасения малого и среднего бизнеса. Меры, которые позволят предприятиям не умереть. У государства есть возможности. Не надо дожидаться, пока закон примут на уровне Госдумы и пока закон пустят через год. Нужно сейчас уже принимать до вступления нового закона в силу меры, которые позволят сохранять промышленность.

(01:25:02)

Нужно давать налоговые рассрочки хотя бы. Не облагать штрафами, не заблокировать расчетные счета, а ровно наоборот дать возможность. Налоговые рассрочки. Снимать какие-либо нагрузки, которые сейчас не дают предприятиям жить. Без сконцентрированных антикризисных шагов экономика не переживет нынешнее потрясение. Сегодня перед нами выбор. Либо теряем производственный каркас, либо спасаем экономику. Спасаем экономику, пока она еще жива. И точно спасаем не гильотиной. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Армен Вемирович. Ну, действительно, такая иллюстрация. С одной стороны, огромный оптимизм, видение, что у нас и сельское хозяйство может удвоиться, и сельхозмашиностроение, огромные перспективы. И ваш оптимизм подтвержден вашими делами. Вы строили огромные прекрасные заводы, разработали прекрасные востребованные машины. Но сегодня мы находимся там, где находимся. Минус 80%. Разговоры о банкротстве, о сохранении, о выживании и так далее. Ну действительно странная, непонятная, удивительная ситуация. Все есть для развития, есть люди и коллективы, и при этом вот такой вот упор в стену.

А что такое остановившийся завод? Это разлады в семьях, это падение доходов, это разочарование, это пессимизм. На это смотрит молодежь и думает: «А надо ли мне получать техническое образование, идти в инженеры, вообще мечтать о развитии, построении карьеры в стране?». Карьеры, связанной с созиданием особенно, если вот такие примеры перед глазами. Поэтому мы обсуждаем с вами очень важные такие, жизненно важные вопросы, Я уверен, что даем мы ответы, прозвучали целые концепции, как надо делать. Я уверен, каждое предложение реалистичное, и при его внедрении в жизнь мы увидим действительно движение вперед.

И мы восхищаемся все Китаем, который добился огромных успехов, продолжает двигаться вперед семимильными шагами. И мы хотим в партнерстве с Китаем и с другими цивилизациями двигаться вперед. И я надеюсь, что наш форум, наша дискуссия, в частности, вносит определенный вклад в то, что этот момент настанет раньше. В интернете за нами следят и присылают вопросы. Ну, тут целая у меня брошюра получилась. Выдержки такие: «Не видел здесь чиновников, но вижу, что наши идеи реализуются, пусть и не сразу, но постепенно какой-то эффект есть. Как сделать диалог экспертов МЭФ с властью более открытым?». Ну, я уверен, что власть или министры нас читают, люди из власти. Много раз я получал подтверждения ранее этого. И хоть мы действительно здесь не видим представителей исполнительной власти, я уверен, что многое будет прочитано и просмотрено.

Вопрос: «Решение какой проблемы должно стать первоочередной в ближайшие годы? Смена парадигмы, защита территорий, защита русского мира или поддержка союзников?»

С моей точки зрения все это связано, и нельзя решить ни одну из проблем, если мы технологически стагнируем и не работаем.

«Если бы у вас было право внести один закон, о чем бы он был?» Ну, не знаю, может, Сергей Юрьевич, хотите на такой вопрос ответить?

Сергей Глазьев: Если вы, Константин Анатольевич, дали слово, я злоупотреблю, если позволите. Значит, вообще ключевая у нас проблема, пронизывающая всю систему управления, это отсутствие ответственности за результат. Роберт Искандерович об этом немножко намекнул. Действительно, решения принимаются, стратегические документы прекрасные пишутся, а никто не отвечает за исполнение. Центральный банк должен отвечать за создание условий для повышения объема инвестиций. Это теорема, которую еще Тобин в свое время лет 50 назад сформулировал. И все страны, которые успешно растут, это подтверждают. Если Центральный банк создает условия для роста инвестиций, экономическая стабильность достигается автоматически, потому что растет производство, повышается эффективность, снижаются издержки, и в конечном счете цены.

Я вот обещал показать, что творится в мире, если позволите, а пока, может быть, в полемике я бы хотел, Армен Вемирович, у меня, знаете, предложение такое, чтобы мы этот новый проект закона проанализировали, что там написано про банкротство.

(01:30:15)

Потому что сфера чудовищно криминализованная. Нынешнее законодательство о банкротстве, вот мы пытаемся сравнивать, как в Беларуси. В Беларуси законодательство о банкротстве призвано сохранить рабочие места, мощности, чтобы предприятие работало, как во всем мире. У нас законодательство о банкротстве, по сути, написано под давлением криминальных структур, которые формируют рейдерские группы. И банк, куда вы обращаетесь за кредитом, вместо того, чтобы вам помогать этот кредит вернуть, и создавать условия для его эффективного использования, злоупотребляет, поднимает ставки, ухудшает условия и отбирает у вас предприятие. Ему в этом помогают высокоинтеллектуальные организованные преступные группы, которые пронизывают всю правоохранительную систему. Криминализация законодательства банкротства – это чудовищная болезнь нашей экономики. Результат, кстати, того, что банки перестали заниматься кредитованием инвестиций. Доля инвестиционных кредитов всего 5% в их активах. Они занимаются спекуляциями, кредитами, торговлей, подсаживают народ на потребительские кредиты и рейдерством. Они ухудшают условия, а в законе о банкротстве, кстати, вы знаете, несимметричная ситуация. Если кредит не возвращен, всегда виноват заемщик, хотя во многих случаях он не возвращается из-за обструкционистского поведения банка, который односторонне ухудшает условия кредита.

И еще, может быть, в полемике с Андреем Владимировичем насчет снижения ключевой ставки и национализации Центрального банка, понимаете, Центральный банк, вообще говоря, государственная структура, в которой есть совет директоров, председателей, все утверждаются Госдумой. Вносится президентом, утверждается Госдумой. Все имущество Центрального банка – федеральная собственность. Над Центральным банком сидит такой орган, называется Национальный банковский совет. Я в него входил от имени Президента. Правительство утверждает все главные параметры. Поэтому такой проблемы нет. Есть проблема того, что денежные власти не понимают, что надо делать. они в плену, в когнитивной ловушке, которую МВФ в свое время им на подкорке это записал, и они реализуют догматическую политику в интересах коммерческих банков, замечу, и

спекулянтов. То есть эта политика проводится потому, что она выгодна. Мы же как экономисты понимаем, что если какая-то политика проводится, значит она кому-то выгодна. Кому она выгодна? Посмотрите, крупные банки, какие у них прибыли? Триллионы. За счет чего? За счет маржи процентной. Поэтому они рукоплещают и поддерживают всемерно политику Центрального банка.

Вторые бенефициары – финансовые спекулянты. Вот если мы сейчас просто снизим процентную ставку, ключевую, и при этом не введем ограничения на операции по счету капитала, продолжим разрешать менять рубли на иностранную валюту в любой пропорции, то произойдет то, что было три раза уже раньше, а именно коммерческие банки начнут отсасывать дешевые кредиты у Центрального банка, рефинансироваться и вкладывать деньги в спекуляции, то есть продавать рубли, покупать валюту и на этом получать грандиозную сверхприбыль. Поэтому одновременно со снижением ключевой ставки нужно вводить ограничения на вывоз капитала. Фиксировать позицию коммерческих банков, чтобы они не превращались в спекулянтов. Только тогда снижение ключевой ставки даст результат.

Я предлагаю сейчас не трогать ключевую ставку, а запустить специальные инструменты рефинансирования, через которые кредиты под 2-3% пойдут именно в производственный сектор. На что я хотел обратить внимание, коллеги? Мы не говорим о мировой экономике, потому что разворачивающийся сейчас мировой финансово-экономический кризис нас особо не затрагивает, так как нас Запад, так сказать, уже отрезал, наши валютные резервы заморозил, арестовал. И нас, в общем-то, мало волнует, что происходит в Ормузском проливе, но я скажу, что мы моделировали ситуацию закрытия Ормузского пролива еще 10 лет назад, Израиль же не первый раз, так сказать, агрессию проявляет и пытается втянуть в США. Сейчас им удалось.

Сценарий самый плохой, насколько я помню, исходил из компании Goldman Sachs, которая прогнозировала, что в случае перекрытия Ормузского пролива цены на нефть могут взлететь до 700 долларов за баррель. Но даже если взлетят до 200, начинается цепная реакция неисполнения контрактов сначала на энергетическом рынке. Это вызывает маржин колы по всей финансовой цепочке. Дальше рушится финансовая пирамида деривативов, которая составляет сейчас 2,5 квадриллиона долларов. И, собственно говоря, масштаб финансового кризиса, который ждет западный мир, будет носить катастрофический характер.

(01:35:10)

Это будет гораздо сильнее, чем 2008 год. Вот здесь на этой схеме примерно показана цепочка обратных связей, которая раскручивает маховик этого кризиса. И все укладывается в прогноз долгосрочный, который много лет назад мы сделали, что американская финансовая система, точнее, американоцентричная, обречена на саморазвал. Сейчас они, собственно, ее подпалили этой войной. И этот огонь будет разрастаться, нам надо готовиться к тому, что наши недруги будут испытывать колоссальное обесценение капитала. Их мировое значение будет снижаться, но они будут вести себя все более и более

агрессивно в связи с этим. Поэтому, мне кажется, с этим связано то, что западные политики в НАТО начинают все больше яростно призывать к войне против нас. То есть агрессивность Запада будет нарастать по мере того, как будут разрушаться их финансовые системы.

В этом смысле нам ни в коем случае нельзя в нее возвращаться. Я вот удивляюсь нашим бизнесменам, которые в Дубай переехали. Было понятно, что Дубай под колпаком у англичан полностью находится, что все транзакции видны, что заморозка в Дубае тоже будет. Она произошла, об этом мало говорят, но из Дубая уже вывоз капитала давно ограничен. Не для всех, правда. Но сейчас в связи с этой агрессией Дубайский финансовый центр может вообще приказать долго жить со всеми инвестициями, куда наши легкомысленные толстосумы переместили свои сбережения.

То есть надо быть очень аккуратным сейчас и понимать, что мировой финансовый центр уже находится в Китае и в растущей Индии, взаимодействовать с этими нашими партнерами, создавать свою собственную валютно-финансово-экономическую систему со своей мировой валютой, ну и так далее. Об этом мы тоже много говорили.

Константин Бабкин: Спасибо. Сергей Юрьевич.

Вот еще вопрос: «Как вы считаете, какое должно быть в России высшее экономическое образование сегодня, его перспективы, недостатки? Можно ли взять за основу высшее образование Российской империи и Советского Союза?»

Роберт Искандерович, кратко прокомментируйте.

Роберт Нигматулин: Вы знаете, это действительно, Константин Анатольевич, большой вопрос. Ну вот для меня здесь большой авторитет Абел Гезевич Аганбегян. Я бы не осмелился таких слов говорить, все-таки я не имею экономического образования. Он очень низко оценивает уровень экономического образования. Более того, я уровень экономического образования оцениваю низко даже и в Соединенных Штатах Америки. Понятия эффективности нет. Ну как? Как без эффективности вообще строить экономику?

И последнее. Я хотел все-таки добавить слово. Знаете, все, что здесь мы говорили правильно. Нужно увеличивать инвестиции. Монетизация нужно увеличивать. Но при нынешнем порядке и начальниках каждый процент роста инвестиций было в лучших случаях 2% инфляции. Поэтому первое, что мы должны записать, при нынешнем уровне руководства экономическим блоком в Правительстве, это Минэкономразвитие, Министерство транспорта, Министерство энергетики, Центральный банк, уже не в правительстве, кто там еще, ничего не получится. Смена правительства, во всем мире меняют правительство, без этого не получится. Однозначно. Ну что тут... И мы всегда это замалчиваем.

Вот, к сожалению, пришел руководитель парламентской партии. Опоздал на выступление двух академиков и нашего руководителя. Сам проговорил и ушел. Вот это специфическая черта русского начальника. Это, знаете, такая русская поговорка. Сам прокукарехал, а дальше хоть солнце не взойди. И это так.

Ну и следующее. Вот я бы господину Слуцкому, он все правильно говорил, кстати. Кстати, правильно говорил. Это как-то даже меня порадовало. Прекратите говорить хорошо Путину, что у нас все хорошо. Ну не надо этого говорить. Нужно Путину говорить, что у нас тяжелое положение. И это тяжелое положение мы должны записать в решениях. Менять Правительство, менять, ну не Правительство, руководитель экономического блока, мы не политическая организация. Руководители экономического блока в парламенте, в правительстве, ну еще кто, да, в Администрации Президента, они что же там руководят? Вот это нужно сменить.

(01:40:05)

И второе, конечно, чтобы наши люди, которые встречаются с Президентом, если встречаются, их основная обязанность предупредить Президента, потому что вся Россия держится на его авторитете.

Сергей Глазьев: Я не могу удержаться, Константин Анатольевич. С Робертом Искандеровичем я не согласен. Понимаете, я с Правительством работаю ежедневно, и вот такие призывы менять Правительство, мне кажется, они к конструктиву не приведут. При том, что Центральный банк действительно это государственная структура, его не надо национализировать, но во взаимоотношениях с правительством, я вот здесь согласен с Андреем Владимировичем, нужно усиливать этот контакт, эту обратную связь с тем, чтобы у нас те стратегические документы, которые принимает правительство, распространялись и на банковскую систему. Не только Центральный банк, но и все наши крупнейшие банки. У них огромные деньги. Жизнь ведет так, что правительство сейчас бьется за решение конкретных вопросов в большом объеме, не буду сейчас говорить и про нацпроекты, и про госпрограммы, и про СВО, и так далее, про бюджетный кризис.

Но при этом странная ситуация. В рыночной экономике, где все решает кредитор, у кого много денег, тот, собственно, и прав. Банки превратились в хозяев нашей экономической жизни. И они никакой роли в реализации документов стратегического планирования, которые принимает правительство, не играют. Мы говорим по подъему инвестиций, про нацпроекты. А где участие банков в реализации этих стратегических документов? Ни Центральный банк, ни крупные коммерческие банки делают вид, что это их вообще не касается. Вот здесь есть самое слабое место нашей системы управления. Нужно подчинять государственные банки правительству. Может быть, не столько сам Центральный банк, сколько государственные банки, которые мы хорошо знаем, у которых огромные ресурсы, которые они тратят на спекуляции и облагают весь народ, так сказать, непомерными комиссиями. Банки должны быть встроены в исполнительную власть, причиняться правительству. Это мое глубокое убеждение, и работать для реализации тех планов, которые правительство формирует.

Дело не в том, чтобы менять одних чиновников на других, а нужно механизм ответственности включать, и тогда будет естественный, а не противоестественный отбор. Когда чиновники будут отвечать за результат, выполнил цели, которые президент поставил или само правительство сформулировало, значит, работаешь эффективно. Не выполнил,

значит, иди на переквалификацию. То есть вот механизм ответственности должен быть, тогда все автоматически будет происходить правильным образом.

Константин Бабкин: Спасибо. Ну, мы исчерпали время для первой дискуссии, я думаю, что мы провели с пользой, и мне было очень интересно и содержательно. Ну, я думаю, что у нас все-таки не политическое здесь мероприятие, а такое, мы ищем концепции, и я верю в то, что, старая цитата, которая звучит так, что «идея, которая овладела массами, становится материальной силой». Вот я думаю, что наша задача сегодня объяснять, показывать парадоксы, предлагать рецепты решения и открывать, показывать пути движения вперед. И я думаю, что если у нас это получится, а это получается, то мы сделаем очень важный шаг для того, чтобы этот путь был открыт. Спасибо всем за участие.

(01:45:04) (Конец записи.)